

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Исследуются основные тренды регионализации внешнеполитических парадигм США и Китая как государств, обладающих не только глобальными геополитическими габаритами, но и расположенными в одном регионе. Активизация интереса к АТР со стороны как Вашингтона, так и Пекина в условиях роста взаимозависимости между акторами и институтами международных отношений не только не ведет к повышению уровня конфликтности, но и превращается в дополнительный фактор стабилизации двусторонних связей.

Ключевые слова: американо-китайские отношения; региональная интеграция; ответственный заинтересованный участник системы международных отношений.

Современные исследователи выделяют несколько критериев при определении лидерских позиций тех или иных государств в масштабах геополитического региона: территория, население, ресурсы, потенциал, стабильность, авторитет [1. Т. 6. С. 100–101].

Вполне очевидно, что в Восточной Азии всеми перечисленными факторами обладает такое государство, как Китай. Китай является крупнейшей страной мира по численности населения (1,3 млрд), третьей – по площади территории (9,6 млн км²), обладает четвертым ВВП в мире в долларовом исчислении (вторым по расчету покупательной способности национальной валюты), наиболее мощными в регионе вооруженными силами. С неизменным постоянством достигаемые начиная с 80-х гг. уникальные темпы экономического прироста позволяют говорить о стране как об одном из главных (если не главном) геополитических и геоэкономических центров мира.

По расчетам агентства «Голдман Сакс», Китай уже к 2027 г. должен сравняться с США по объему ВВП. Особенно впечатляют темпы расширения участия КНР в современных процессах глобализации, свидетельствующие о том, что в Пекине нашли оптимальную модель сочетания стратегий заимствования (*иньцзиньлай*) и выхода вовне (*изоучуцзюй*) факторов производства, товаров и услуг. Так, например, уже в 2003 г. КНР заняла первое место в мире по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций, которые составили 53 млрд долл. (в США – 40 млрд).

К концу 2004 г. прямые зарубежные инвестиции только нефинансового характера составили 44,8 млрд, а импорт услуг – 72,1 млрд долл. США. В целом же в период 1990–2004 гг. иностранные инвесторы получили прибыль 250,6 млрд долл. от своих инвестиций в КНР. С другой стороны, экспорт предприятий, созданных иностранными инвесторами, составляет уже 57% общего объема китайского экспорта. Основным конкурентоспособным ресурсом Китая является огромная масса трудоспособного населения, готовая трудиться за минимальное вознаграждение. Кроме того, руководству КНР удастся с успехом сдерживать социальные и этнические конфликты, вполне очевидные в стране с таким пестрым национальным составом и таким количеством бедного населения.

Что касается политического авторитета на международной арене, то его китайское руководство добивается, прежде всего, мирным, бесконфликтным путем, связанным с активным использованием ресурсов «мягкой силы». Директор Шанхайского института между-

народных исследований Ян Цземань полагает, что появление концепции мягкой силы свидетельствует о значительном прогрессе в развитии внешнеполитической стратегии КНР по сравнению со сформулированными в 50-е гг. XX в. «пятью принципами мирного сосуществования», а также разработанной в 90-е гг. стратегией установления разумного и справедливого нового международного экономического и политического порядка [2. С. 9].

Особенность мягкой силы заключается в том, что она, проистекая из экономических и культурных факторов, не может быть объяснена в терминах геополитики. Однако обладая определенной комплементарностью по отношению к жесткой силе, она, по мнению известной китайской исследовательницы Юй Синьтянь, в определенном смысле более эффективна, чем последняя [3. С. 66].

Основой мягкой силы является культура, и прежде всего ее краеугольный камень – представления о ценностях [4. С. 16]. Тот факт, что во многих развивающихся странах при отсутствии политического давления извне активно изучается опыт Китая, убедительно доказывает: представления, идеи и принципы (как отражение культурных ценностей) являются не только ресурсом, но и фактором операциональной силы государства.

Заместитель директора Департамента планирования МИД КНР Ли Цзе указывает на соединение базовых для традиционной китайской культуры принципов мира (гармонии) и единства как на уникальный китайский ресурс реализации мягкой силы. Природа подобного соединения, уподобляемого автором соединению твердости и мягкости, основывается на идее единства противоположностей, заключенной в формуле взаимопроникновения темного (*инь*) и светлого (*ян*) начал. В качестве стержневого концепта мягкой власти Китая можно выделить категорию гармонии, основой которой является идея разнообразия.

Следует при этом отметить, что признание разнообразия (*доянсин*) социально-экономических систем различных государств мира и диверсификации (*доюаньхуа*) моделей их политического развития уже с начала 90-х гг. XX в. прочно вошло в число тех основных принципов, которыми руководствуется КНР на международной арене.

Данные постулаты подтверждены и в отчетном докладе состоявшемуся в ноябре 2007 г. XVII съезду КПК, декларирующем уважение со стороны Китая права народов всех стран на самостоятельный выбор собствен-

ного пути развития, невмешательство во внутренние дела других стран, отказ от навязывания им своей воли. Что касается международного уровня, то здесь долгосрочные задачи укрепления мягкой власти Китая, по мысли Ли Цзе, должны заключаться в развитии следующих процессов:

1. Уникальные элементы китайской культуры должны быть нацелены на расширение взаимопонимания и обменов между Китаем и другими странами.

2. Идеи мирного развития должны стать средством убеждения широкой международной общественности, способным выступать противовесом набору тех предубеждений и враждебности, которые Запад культивирует в отношении китайской идеологии.

3. Идеи мира, гармонии и взаимной выгоды должны постоянно обогащаться, наполняясь современным содержанием. Следует, прежде всего, пропагандировать те современные идеи, которые являются квинтэссенцией китайской культуры (мирное развитие, стратегия открытости).

4. Мягкую власть Китая следует реализовывать, используя наиболее объективные подходы. Нужно честно говорить о тех проблемах, которые на самом деле волнуют международное сообщество: негативные последствия экономического роста в Китае, расширение диалога по вопросам энергетической безопасности, защита окружающей среды.

5. Следует уделять повышенное внимание неправительственным (в том числе человеческим) ресурсам мягкой власти. Все граждане Китая должны помнить о том, что они представляют на международной арене не только себя, но и свою страну [5. С. 176–178].

Одновременно Китай во все большей степени расширяет свое присутствие в многосторонних режимах поддержания существующего международного порядка. Так, например, в 1977–1997 гг. число межправительственных международных организаций, в которых принимал участие Китай, увеличилось с 21 до 52, в то время как неправительственных – с 71 до 1163.

Наиболее явным воплощением данной тенденции становится усиление роли Китая в деятельности ООН. Пекин присоединяется к диалогу по ряду существенных гуманитарных проблем, ранее рассматриваемых исключительно как внутреннее дело суверенных государств (например, по правам человека). Активизируется процесс участия вооруженных сил КНР в миротворческих операциях ООН, в том числе в регионах, не имеющих прямого приоритетного значения для КНР.

В ряде случаев (Республика Гаити) решение об участии в мероприятиях по поддержанию мира принималось, несмотря на наличие официальных дипломатических отношений реципиента помощи с Тайванем. В 2006–2008 гг. Пекин поддерживал предложенные американцами жесткие варианты резолюций Совбеза по КНДР, Ирану и Мьянме.

Кроме того, на постоянную основу переводится участие Китая в деятельности «Большой восьмерки» в формате 8+4 (Китай, Индия, Бразилия и ЮАР). Пекин также становится одним из ключевых звеньев в формировании современных режимов нераспространения (шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, многосторонний диалог с участием постоян-

ных членов СБ ООН и Германии по иранскому досье), где он действует в активной координации со своими главными геополитическими конкурентами (США, Япония).

Все более активную роль Китай играет и в ведущих глобальных и региональных экономических организациях. В рамках ВТО КНР активно продвигает в глобальном масштабе свои товары и факторы производства во многом благодаря умелому использованию противоречий между развитыми странами и «Группой 77». Усиливается и влияние Пекина на деятельность АТЭС.

На региональном уровне Китай не препятствует присутствию своих конкурентов в тех организациях и структурах, которые создаются по периметру его границ (ШОС, зона свободной торговли АСЕАН–Китай, СААРК). В настоящее время рассматривается вопрос о присоединении США к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА. На наш взгляд, не находят своего подтверждения сообщения СМИ о «китайском следе» в инициативе ШОС по поводу целесообразности присутствия американских войск в Центральной Азии после окончания активной фазы антитеррористической операции в Афганистане (Астанинский саммит 2005 г.). Более того, китайские ученые говорят о возможных перспективах сотрудничества с США в регионе «на платформе ШОС» (особые отношения обеих стран с Пакистаном, инициатива США 2005 г. по экономической интеграции Центральной и Южной Азии).

Парируя многочисленные упреки американских синологов в ревизионизме по отношению к существующим многосторонним режимам, Ян Цземань акцентирует внимание на запоздалом включении страны в современные процессы международных отношений. Китай стал поздно участвовать в деятельности международной системы, не знал ее институтов и правил игры, что часто вызывало подозрения в стремлении играть не по правилам. Незнание препятствовало отстаиванию собственных национальных интересов. Кроме того, развитые страны часто исходили из собственного лексического права (*хуаюйцюань*), применяя двойные стандарты [6. С. 8].

Исследователь из Китайской академии современных международных отношений Сунь Жу осторожность и подозрительность Китая в отношении многосторонних механизмов объясняет особенностями того международного окружения, в котором страна находилась в течение длительного исторического этапа, а также сложившимися представлениями о мультилатерализме.

Китай в течение долгого времени был лишен права участвовать в работе ООН, что обедняет его опыт многосторонней дипломатии; традиционными являются взгляды, полагающие, что обеспечить национальную безопасность можно лишь на основе развития собственных вооруженных сил; существуют подозрения по поводу превращения многосторонних структур в АТР в площадку для изоляции и противодействия Китаю; достаточно сильны опасения, что включение проблемы Тайваня в повестку дня таких структур нанесет удар по суверенитету Китая [7. С. 197].

До настоящего времени наиболее ярким примером встраивания Китая в региональные интеграционные

группировки остается Юго-Восточная Азия (ЮВА). Начальный период развития отношений КНР с «пятеркой» стран ЮВА (Малайзия, Сингапур, Индонезия, Таиланд, Филиппины) был отмечен рядом неблагоприятных для Пекина политических событий. Во второй половине XX в. доминировали явные политические препятствия на пути экономической интеграции в Восточной Азии. Так, например, Таиланд развивался в условиях авторитаризма, являясь передовым рубежом некоммунистической Азии по отношению к КНР и Северному Вьетнаму. При этом лишь полоса территории Лаоса шириной в 200 км отделяет тайландские земли от китайской провинции Юньнань, в которой проживает 200-тысячное тайское меньшинство.

В 1953 г. Пекин создал в Южной Юньнани на границе с Бирмой и Лаосом тайский (дай) автономный округ Сишунбаньна, что обеспокоило Таиланд, решивший, что КНР рассматривает вопрос об использовании китайских тайцев для «освободительной миссии» в Таиланде. Другим проявлением страха перед китайской угрозой в Таиланде было препятствование реализации собственной идентичности этническими китайцами, проживающими в этой стране.

Система китайского образования была либерализована только в 1992 г., а еще в 50-е гг. учащиеся школ вынуждены были сжигать учебники на китайском языке перед приходом государственного инспектора [8. С. 95].

В начале 70-х гг. произошел пересмотр внешней политики Китая в ЮВА в сторону сочетания открытого идеологического давления с более гибкими мерами. Так, например, была разработана «теория трех миров», в первую группу стран включавшая сверхдержавы СССР и США, во вторую – промышленно развитые капиталистические и социалистические страны и в последнюю – освободившиеся страны (вне зависимости от вектора транзита), включая КНР.

Заметная активизация делового сотрудничества привела к установлению дипломатических отношений между Малайзией и КНР в мае 1974 г. Аналогичным образом были установлены дипломатические отношения с Филиппинами в июне 1975 г. В июле того же года были установлены официальные отношения КНР с Таиландом. Во второй половине 70-х гг. Таиланд и КНР уже активно сотрудничали в деле поддержки антиправительственных сил в Кампучии.

Вместе с тем политическое потепление в отношениях между Китаем и ЮВА не привело в тот период к существенной интенсификации внутрирегиональных интеграционных процессов. Большинство стран Восточной Азии преследовали цели проведения экспортно-ориентированной индустриализации, и их внешнеэкономическая политика была ориентирована в большей степени на глобальный, чем на региональный уровень. Такие классические «новые индустриальные страны» (НИС) первого эшелона, как Республика Корея, Сингапур, искали рынки для своего растущего экспорта вне региона, прежде всего в Западной Европе и США.

Перелом начался лишь в 80-е гг. и был связан с расширением деятельности японских транснациональных корпораций в ЮВА.

В течение 90-х гг. в регионе произошел существенный сдвиг в сторону региональной интеграции. С

окончанием холодной войны были сняты политические барьеры. Китай и Вьетнам стали полноправными партнерами для развития экономического сотрудничества.

Начался поиск многосторонних защитных механизмов в ответ на создание таких экономических объединений как ЕС и НАФТА, а также с целью минимизации внутренних экономических рисков, связанных с глобальными изменениями экономического равновесия.

Ключевым фактором стал экономический подъем Китая. Идея «нового» регионализма АСЕАН заключалась в том, чтобы включить Китай в структуры многостороннего сотрудничества в пределах более крупного географического региона, но сделать это так, чтобы сдерживать процессы изменения глобального экономического равновесия. Определенный импульс для формирования региональной идентичности дали Азиатский финансовый кризис 1997–1999 гг., а также солидарные меры по устранению его последствий.

Страны АСЕАН в 1997 г. столкнулись с ситуацией резкого обесценивания национальных валют, что привело к панике среди иностранных инвесторов. Пострадали практически все региональные валюты, потеряв от 20 до 60% стоимости, а индонезийская денежная единица обесценилась в четыре раза.

Региональные процессы развивались на фоне доминирующих в ЮВА мнений о том, что если Запад и не спровоцировал кризис, то оставил страны Восточной Азии без какой-либо поддержки в устранении его последствий. Как указывали многие экономисты стран ЮВА, западные страны переоценили масштабы охвативших регион финансовых проблем и излишне поспешно и демонстративно стали выводить свои капиталы. В то же время МВФ допустил серьезные ошибки в определении причин кризиса и мер по устранению его последствий, что привело к принятию непродуманных решений в самом регионе [9. С. 197].

На этом фоне совершенно по-иному воспринимались обещания Пекина не девальвировать свою национальную валюту. По мнению Г. Брувера и Ю. Вана, именно понимание объективного характера процесса превращения КНР в экономическую сверхдержаву наряду с осознанием растущей экономической взаимозависимости стран региона явились основными факторами, способствовавшими выработке собственных решений внутри региона Восточной Азии [10. С. 1].

Азиатский финансовый кризис и процесс устранения его последствий способствовали институционализации механизмов сотрудничества между государствами ЮВА и СВА. Еще в начале 90-х гг. премьер-министр Малайзии М. Махатхир выдвигал, в противовес австралийско-американской концепции АТЭС, проект группировки под названием «Восточноазиатское экономическое совещание» без участия эксрегиональных держав.

На саммите АСЕАН в 1995 г. в официальные документы было включено предложение о развитии многоуровневой системы диалога с соседними азиатскими державами, через год состоялись саммиты с руководителями Китая, Японии и Республики Корея, а в 1997 г. в Куала-Лумпуре – первый неформальный саммит в формате «АСЕАН+3». Его главным итогом явилось соглашение между Китаем и странами

АСЕАН «О партнерстве, доверии и добрососедских отношениях в XXI в.».

Характерной особенностью саммита стало признание участниками того факта, что одностороннее отстаивание принципа национального суверенитета и отказ от региональной интеграции могут привести к резкой утрате суверенитета и повышению риска дезинтеграции в гораздо большей степени, чем сами опасности интеграции.

На состоявшемся в 1999 г. в Маниле саммите руководителей тринадцати государств Восточной Азии было принято совместное заявление, предусматривавшее углубление сотрудничества в сфере региональной безопасности, экономики, финансов, развития человеческих ресурсов, науки и техники [11. Р. 156].

В мае 2000 г. министры финансов стран «АСЕАН+3» официально одобрили «Инициативу Чанг Май», предполагающую создание в регионе механизмов, дополняющих чрезвычайные займы МВФ и Всемирного банка, в целях предотвращения финансовых кризисов. Главным механизмом стало расширение практики соглашений между странами Восточной Азии. Суть их сводится к тому, что страна, испытывающая временные трудности с международной ликвидностью, может обменять национальную валюту на доллары США с обязательством выкупить свою валюту в согласованное время в будущем. Эти операции осуществляют центральные банки стран на основе двусторонних соглашений.

Зона свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН традиционно являлась одним из основных направлений внутрирегиональной экономической интеграции. О ее создании впервые было объявлено на 4-м саммите АСЕАН в Сингапуре (1992 г.). Первоначально в нее вошли шесть стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней). В 1996 г. к ЗСТ присоединился Вьетнам, в 1998 г. – Лаос и Мьянма, а в 1999 г. – Камбоджа.

Создавая ЗСТ, члены Ассоциации ставили цель активизировать торговлю товарами и услугами внутри АСЕАН, расширить и диверсифицировать субрегиональный товарооборот и в условиях роста взаимной торговли повысить конкурентоспособность экономик своих стран. ЗСТ была также призвана способствовать политической консолидации стран региона, подключению к экономическому сотрудничеству менее развитых стран ЮВА.

Главным инструментом реализации идеи создания ЗСТ стало Соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе (СЕПТ), подписанное странами АСЕАН на саммите в Сингапуре в 1992 г. СЕПТ развивает основные положения Соглашения о преференциальной торговле АСЕАН 1977 г. Согласно принятой схеме СЕПТ все товары подразделяются на четыре категории. К первой относятся товары, уровень тарифов на которые подлежит сокращению в соответствии с ускоренным или обычным графиком. Эта группа товаров составляет 88% всей товарной номенклатуры стран АСЕАН и постоянно расширяется.

Две другие категории товаров включены в списки изъятий, причем в одну категорию входят товары, представляющие важность для обеспечения интересов

национальной безопасности, защиты общественной морали, жизни и здоровья людей, флоры и фауны, а также художественные, исторические и археологические ценности. Другая часть изъятий включает в себя товары, снижение тарифов на которые страны АСЕАН по внутриэкономическим соображениям считают временно невозможным, однако предусматривается постепенное сокращение числа этих товаров.

Четвертую категорию составляет сельскохозяйственное сырье, первоначально полностью исключенное из схемы СЕПТ. Однако в 1995 г. были определены особые условия снижения тарифов на различные группы этих товаров.

В АСЕАН существует дифференцированный подход к срокам, в течение которых будут снижены или отменены тарифы для различных стран. СЕПТ первоначально предполагало сокращение к 2003 г. подавляющего числа действующих во внутрирегиональной торговле национальных импортных тарифов до 0–5%. С учетом новых реалий, в частности приема новых членов в состав АСЕАН, эти сроки неоднократно менялись.

Во время саммита в декабре 1998 г. было принято решение о том, что наиболее экономически развитые страны – Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд – к 2000 г. сократят ставки импортных тарифов до уровня 0–5% на 90% своей товарной номенклатуры. К 2002 г. ставка импортной пошлины, составляющая 0–5%, распространится на всю продукцию, охватываемую Соглашением. Для членов так называемой группы CLMV (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам) сохраняется неопределенность в отношении целого ряда товарных групп, прежде всего сельскохозяйственной продукции.

На состоявшемся в ноябре 2001 г. седьмом саммите АСЕАН в Брунее было принято решение ускорить переход к ЗСТ – сроки ее образования были перенесены с 2003 на 2002 год. Таким образом, с 1 января 2002 г. «шестерка» ведущих стран АСЕАН – Таиланд, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Бруней – приступила к формированию ЗСТ, предусматривающей снижение большинства тарифов во взаимной торговле до уровня 0–5%. Кроме того, достигнута договоренность о применении Интеграционной системы преференций АСЕАН. В соответствии с ней «старые» члены АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) должны расширить тарифные льготы для «новых» участников Ассоциации (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма). В ходе данного саммита лидеры Китая и АСЕАН решили начать переговоры по созданию Зоны свободной торговли с участием КНР.

Активизация экономического сотрудничества между государствами Северо-Восточной Азии происходила на фоне резких подъемов и спадов в политических отношениях. В 90-е гг. XX в. произошло значительное улучшение в отношениях между Китаем, Японией и Республикой Корея. Еще в 1992 г. состоялось взаимное дипломатическое признание между Пекином и Сеулом. В октябре 1998 г. премьер-министром Японии Кейдзо Обути и президентом Республики Корея Ким Дэ Чжун-ном была подписана декларация о партнерстве в XXI в. Через месяц состоялся первый в истории визит главы КНР Цзян Цзэминя в Токио.

К началу XXI в. в связи с резким расширением геополитических и геоэкономических габаритов Китая перед странами региона встала проблема не столько втягивания Китая в региональные структуры, сколько формулирования своего ответа на те или иные решения Пекина. Кроме того, этот период был отмечен ухудшением отношений между Китаем и Японией, а также Японией и РК. Споры по поводу посещений японским премьером Дзюнитиро Коидзуми токийского храма Ясукуни, содержания японских учебников по истории, принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку) и Токдо (Таксима), а также другие обострившиеся политические проблемы в значительной степени отравляли атмосферу для серьезных торгово-экономических переговоров. Так, в частности, председатель КНР Ху Цзиньтао отказался встречаться с Дз. Коидзуми на саммите АТЭС в Пусане в сентябре 2005 г. и в рамках диалога руководителей «Большой восьмерки» с лидерами развивающихся стран в Сретне в июле 2006 г. Кроме того, из-за обструкции Ху Цзиньтао и президента Республики Корея Но Му Хена не состоялась и их традиционная встреча с японским премьером в ходе первого Восточноазиатского саммита в Куала-Лумпуре в декабре 2005 г.

Политическая атмосфера китайско-японских отношений нормализовалась лишь после ухода Коидзуми с поста премьер-министра Японии. В октябре 2006 г. состоялся так называемый «визит, разбивший лед» (*но бин-чжи люй*) японского премьера С. Абэ в Пекин, в апреле следующего года ответный «визит, растопивший лед» (*жун бин-чжи люй*) премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Японию, а в мае 2008 г. – «визит теплой весны» (*нуань чунь-чжи люй*) Ху Цзиньтао в Токио.

Значительной диверсификации подверглась амплитуда движения государств Северо-Восточной Азии к формированию зон свободной торговли в АТР. Южная Корея первоначально применяла многоаспектный подход. Сеул охотно шел на формирование зон свободной торговли с теми странами и организациями, экспорт которых не угрожал сельскому хозяйству: Чили, Сингапуром, Европейской ассоциацией свободной торговли. Кроме того, были предприняты усилия по достижению подобных соглашений с отдельными членами ЕС и НАФТА, например Канадой. На этом фоне гораздо меньший прогресс был достигнут на восточноазиатском направлении. В 2004 г. неудачей завершились начавшиеся за год до этого переговоры о создании зоны свободной торговли с Японией. Не удалось добиться существенных успехов и на переговорах с Пекином.

Особенно желательным было заключение соглашения о свободной торговле с Китаем в связи с действующими в этой стране высокими импортными пошлинами на продукцию южнокорейских фирм, однако Пекин требовал либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией, что существенным образом подрывало бы позиции национального аграрного сектора Республики Корея. К подписанному в августе 2006 г. соглашению о свободной торговле с АСЕАН (АКФТА) отказался присоединиться Бангкок, посчитавший себя ущемленным в вопросе экспорта сельхозпродукции.

Лишь в январе 2008 г. стороны завершили продолжавшиеся больше года переговоры о присоединении к этому документу и Таиланда. В этих условиях был взят

курс на интенсификацию переговорного процесса с США, который завершился подписанием 1 апреля 2007 г. соглашения о создании совместной зоны свободной торговли [12].

28 марта 2007 г. соглашение с АСЕАН о торговле и инвестициях подписала и Япония. В соответствии с документом в течение десяти лет Токио вводит нулевой импортный тариф на 93% номенклатуры товаров, импортируемых из ЮВА, а шестерка старых членов АСЕАН – на 90% номенклатуры японского экспорта.

Наибольшим прогрессом характеризовались торговые переговоры АСЕАН с Китаем. В конце ноября 2004 г. стороны подписали рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement, CEPA*), одна лишь пилотная часть которого (*Early Harvest Program*) предусматривала введение нулевой пошлины на номенклатуру в более чем 500 наименований товаров с 2005 г. Данное соглашение вступает в силу в отношениях со старыми членами АСЕАН с 2010 г., а со странами группы CLMV – с 2015 г. Кроме того, в январе 2007 г. были успешно завершены переговоры о либерализации торговли услугами. В результате объем товарооборота между Китаем и АСЕАН в 2007 г. вышел на уровень 190 млрд долл. США, а в 2008 г. должен превысить 200 млрд долл.

С начала XXI в. китайское направление становится одним из основных и во внешней политике США. Приход к власти в США республиканской администрации первоначально крайне негативно сказался на американо-китайских отношениях. Во-первых, основной кандидат на пост президента Дж. Буш, выступая 19 ноября 1999 г. в Библиотеке им. Р. Рейгана, заявил: «Китай – это соперник (*competitor*), а не стратегический партнер. Мы должны относиться к нему без злой воли, но и без иллюзий» [13]. Во-вторых, отношения осложнил произошедший через два месяца после инаугурации нового президента США инцидент с американским разведывательным самолетом EP-3. В-третьих, сохранялся и традиционный комплекс вопросов, вызывавший разногласия еще с 80-х гг. Г.В. Зиновьев относит к ним проблемы Тайваня, прав человека, нераспространения оружия массового уничтожения и торговые споры [14. С. 264].

Вместе с тем лидеры двух стран стремились недопустить слишком сильного раскручивания спирали напряженности. В ходе состоявшегося в июне 2001 г. саммита Шанхайской организации сотрудничества Цзян Цзэминь обратился с просьбой к Президенту России В.В. Путину передать устное послание Дж. Бушу, с которым российский лидер должен был встретиться в Любляне. Одновременно и во внешней политике Вашингтона отнюдь не все было подчинено неоконсервативной логике.

Пост госсекретаря в 2001–2005 гг. занимал К. Пауэлл, по словам сибирского исследователя современной американской дипломатии Е.Ф. Троицкого, «в определенной степени уравновесивший влияние гегемонистов» [15. С. 152]. 30 июля 2001 г. на пресс-конференции в посольстве США в Канберре К. Пауэлл и министр обороны Д. Рамсфелд заявили о том, что не будут использовать термин «стратегический соперник» для характеристики Китая. Позднее родилась выдвинутая К. Пауэллом фор-

мула «3С», определявшая содержание американо-китайских отношений: candid, constructive, cooperative.

После событий 11 сентября 2001 г. руководство КНР поддержало антитеррористическую кампанию, проводимую США. В послании председателя КНР Цзян Цзэминя, направленном президенту США ночью 11 сентября, говорилось об осуждении действий террористов и желании расширить диалог и сотрудничество с США и международным сообществом в борьбе против терроризма.

В 2005 г. американской стороной была предложена новая фундаментальная концепция развития двусторонних отношений. Выступая 21 сентября на заседании Комитета по американо-китайским отношениям, заместитель госсекретаря США Р. Золик предложил строить американскую стратегию в отношении Китая на основе побуждения последнего к тому, чтобы стать «ответственным заинтересованным участником» в системе международных отношений (*responsible stakeholder in international system*) [16]. По его мнению, Китай заинтересован в существующей системе, которая позволяет ему добиваться значительных целей на пути к тому, чтобы стать великой державой.

В своем выступлении Р. Золик подробно изложил причины, по которым США не должны применять в отношении Китая стратегию изоляции (*fencing*), подобную той, которая применялась в отношении СССР. По его мнению, современный Китай отличается от бывшего СССР по следующим параметрам:

- 1) Китай не стремится распространять в мире антиамериканскую идеологию;
- 2) не являясь демократической страной, Китай в то же время не демонстрирует стремления к потенциальному конфликту с демократическими странами;
- 3) исповедуя меркантилизм, Китай не готов к смертельной борьбе с капитализмом;
- 4) в Китае доминирует убеждение, что его будущее связано с сохранением нынешней системы международных отношений.

С таким подходом согласен и преемник Р. Золика на посту заместителя госсекретаря Дж. Негропonte, объясняющий появление концепции *responsible stakeholder* слишком высокой ценой, которую придется заплатить в том случае, если инструменты сотрудничества с державой таких геополитических габаритов, как Китай, будут разрушены [17. С. 31].

К активизации политики на китайском направлении призывает и такой авторитетный американский эксперт как З. Бжезинский, являвшийся внешнеполитическим советником кандидата на пост президента США от демократической партии Б. Обама. Предлагая всемерно стимулировать мирные акценты во внешней политике Китая, а также подвергая критике нынешнюю американскую администрацию за отказ привлекать Пекин к деятельности «Большой восьмерки», он замечает: «В предстоящие годы Китай станет либо ключевым игроком в более справедливой глобальной системе (что сблизит З. Бжезинского в еще большей степени, чем Р. Золика, с китайской концепцией «справедливого и разумного международного порядка». — *О.Т.*), либо главной угрозой стабильности этой системы из-за внутреннего кризиса или какого-либо внешнего вызова. Исходя из этого, Соединенные Штаты должны по-

ощрять возрастающее участие Китая в различных международных институтах и предприятиях» [18. С. 213].

Многие китайские исследователи склоняются к той точке зрения, что поступательное развитие двусторонних вопросов неизбежно вновь поставит на повестку проблему развития отношений стратегического партнерства. При этом одни ученые полагают, что США и Китай в 70–80-е гг. уже переживали подобный этап, основой которого было противостояние «советскому экспансионизму», а другие — что стратегическое партнерство не обязательно предполагает наличие военной составляющей и направленность против третьей стороны, сводясь к намерению сторон развивать сотрудничество на долгосрочной основе с учетом взаимных интересов, решая все разногласия путем консультаций. Ян Цзэмянь усматривает явную тенденцию к эволюции взаимодействия в области безопасности между США и Китаем: от двустороннего взаимодействия к многостороннему, от взаимодействия в области безопасности от угроз низкого уровня (экологические и санитарно-эпидемиологические проблемы) к взаимодействию в области «высокой» безопасности (борьба с терроризмом, нераспространение оружия массового уничтожения), от решения отдельных проблем к институционализации сотрудничества [19. С. 136].

Китай зачастую выступает против гегемонистских действий Вашингтона, однако не намерен бросать вызов глобальным позициям США и не считает нужным противодействовать военному присутствию США в АТР.

В среде политиков и ученых КНР в последнее время высказывается все меньше сомнений в том, что однополярный мир — это реальность, с которой Китаю придется считаться, а США в течение ближайших десятилетий будут оставаться глобальным гегемоном.

В США наиболее успешным примером сотрудничества с Китаем в решении региональных проблем в Восточной Азии традиционно считаются шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. В значительной степени отличаются друг от друга оценки китайских и американских политологов по поводу характера влияния Пекина на поддержание многостороннего диалога.

Китайские ученые выделяют посредническую роль КНР в процессе переговоров, интерпретируя эту роль как элемент проявления мягкой силы в сфере дипломатии [20. С. 7]. Исследователи из США отмечают вынужденный характер китайского посредничества (страх перед крахом режима Ким Чен Ира и распространением ядерных амбиций на Японию и Республику Корея) [21. С. 275], стремление Пекина решить проблему по так называемому «украинскому» сценарию (предоставив Пхеньяну гарантии безопасности в случае отказа от обладания ядерным оружием) [22. С. 84–85], высокую степень экономической зависимости КНДР от Китая [23. С. 13], а также ужесточение позиции КНР в отношении Северной Кореи по мере эскалации кризиса [24. С. 615].

Успехи, достигнутые в решении проблемы денуклеаризации Корейского полуострова в начале 2007 г., позволяют некоторым американским политологам говорить о возможности распространения опыта СБСЕ/ОБСЕ на Восточно-Азиатский регион. По мнению одного из крупнейших американских специали-

стов по ядерному разоружению Дж. Гудби, подобный сценарий обусловлен следующими факторами:

1. Хельсинские договоренности были достигнуты, несмотря на различия в мотивациях и интересах ведущих стран-участники.

2. Политически обязательное соглашение не было облачено в форму договора, однако оно оказывало существенное влияние на ситуацию в Евро-Атлантическом регионе в течение трех десятилетий.

3. Хельсинский процесс не требовал организационной поддержки в период с 1975 по 1990 г.

4. Договоренности охватывали сферы, которые входили в компетенцию как правительств, так и гражданского общества.

5. Многомерные договоренности касались как мер военного доверия, так и таких сфер, как экономика и гуманитарные измерения безопасности [25. С. 6].

Разумеется, трудно представить, что такие страны, как КНДР, согласятся обсуждать проблемы, подобные содержанию «третьей хельсинской корзины» (обеспечение гуманитарных прав граждан), однако в случае реализации данного предложения Китай неизбежно стал бы главным партнером по диалогу с США и их союзниками.

В качестве другой перспективной сферы регионального сотрудничества двух стран в последнее время все чаще рассматривается ситуация в Мьянме. В США понимают, что санкции, инициированные в отношении Янгона странами Запада, не принесли успеха. Однако и политика «конструктивного вовлечения» (*constructive engagement*), декларируемая официальными органами АСЕАН, также не представляется надежным инструментом для оказания позитивного давления на Янгон. Единственной региональной державой, способной эффективно влиять на правящий в Мьянме режим, является Китай, особенно если такое влияние будет координироваться с США и другими западными странами.

На состоявшейся в 2004 г. конференции, организованной Атлантическим советом и Китайской академи-

ей современных международных отношений, научный сотрудник американского Института национальных стратегических исследований Э. Фрост высказала предположение, что Пекин может оказывать влияние на молодых бирманских офицеров и военных среднего звена, приглашая их в Китай для участия в диалоге о современной военно-стратегической ситуации в регионе. Вашингтону в этом случае следует сконцентрироваться на выстраивании связей с религиозными и этнокультурными группами, а также с потенциальными лидерами гражданского общества, действуя в формате «народной» (*people-to-people*) дипломатии» [26. С. 5–6].

Что же касается бонуса китайской стороны, заинтересованной в прямых маршрутах транспортировки нефти, то западные аналитики предлагают включить КНР в консенсусные схемы обеспечения доступа к энергоресурсам, подобные тем, которые действуют между США, Японией, Австралией и Новой Зеландией [27. С. 278]. Кроме того, еще одной сферой, где, как полагают, могло бы развернуться выгодное для КНР сотрудничество на бирманском направлении, является объединение усилий в деле ликвидации маршрутов наркотрафика через китайско-бирманскую границу [28. С. 278].

Итак, в целом можно констатировать, что Китай в последнее время стал одним из лидеров интеграционных процессов в Восточной Азии, в определенной степени связывая оба фланговых субрегиона – СВА и ЮВА. Объективный характер данной тенденции признается ведущими региональными акторами, включая США. Методы, с помощью которых пекинские дипломаты добиваются своих целей, сочетают активную интеграционную политику в экономической сфере, а также мягкие формы распространения своего влияния. Такой подход в целом не вызывает протеста и в Соединенных Штатах, которые стремятся выстраивать общие механизмы поиска решений в наиболее критических для себя сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжов И.В. Проблемы регионального лидерства в мировой политике: к постановке вопроса // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го конвента Российской ассоциации международных отношений / Под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2007.
2. Ян Цземьянь. Чжунго дуй жаунь шили-дэ таньсо: цзюэй гунгун чаньпинь-дэ гоцзи тиси гуань = Поиски мягкой мощи Китая: международная система как общие блага // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 48.
3. Xintian Yu. Combining Research on Cultural Theory and International Relations // International System in Changing and Shaping / Ed. by Jiemian Yang. Shanghai, 2006.
4. Юй Синьтянь. Жуань лилян цзяньшэ юй Чжунго дуйвай чжаньлюэ = Строительство мягкой силы и внешняя стратегия Китая // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 48.
5. Li Jie. Soft Power Building and China's Peaceful Development // China International Studies. 2005. № 5.
6. Ян Цземьянь. Чжун-мэй индуй гоцзи тиси чжуаньсин-дэ чжаньлюэ хэ цзюйцо = Стратегия и действия Китая и США в ответ на изменение международной системы // Гоцзи вэньти луньтань. 2006. № 45.
7. Сунь Жу. Я-Тай добянь аньцюань хэцзо юй чжун-мэй гуаньси: чжиду-дэ шицзяо // Чжун-мэй чжаньлюэ гуаньси синьлунь = Новые исследования китайско-американских отношений / Под ред. Фу Мэнцзы. Пекин, 2005.
8. Kasian Tejapira. Imagined Uncommunity: The Lookjin Middle Class and Thai Official Nationalism // Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe / Ed. by Daniel Chirot and Anthony Reid. Seattle, 1997.
9. Shaun Narine. Economic Security and Regional Cooperation in the Asia-Pacific: Evaluating the Economics-Security Nexus // Reassessing Security Cooperation in the Asia-Pacific: Competition, Congruence, and Transformation / Ed. by Amitav Acharya and Evelyn Goh. Cambridge, 2007.
10. Gordon de Brouwer and Yunjong Wang. Policy Dialogue, Surveillance and Financial Cooperation in East Asia // Financial Governance in East Asia / Ed. by Gordon de Brouwer and Yunjong Wang. London, 2004.
11. Chu Shulong. The ASEAN Plus Three Process and East Asian Security Cooperation // Reassessing Security Cooperation in the Asia-Pacific: Competition, Congruence, and Transformation / Ed. by Amitav Acharya and Evelyn Goh. Cambridge, 2007.
12. Режим доступа: http://www.ustr.gov/assets/Document_Library/Fact_Sheets/2007/asset_upload_file563_11035.pdf?ht=
13. Режим доступа: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/wspeech.htm>
14. Зиновьев Г.В. История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск, 2006.

15. Троцкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии (1992–2004 гг.). Томск, 2005.
16. Режим доступа: <http://www.state.gov/s/d/rem/53682.htm>
17. John Negroponte. The Future of Political, Economic, and Security Relations with China. Hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, May 1, 2007. Washington, 2007.
18. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента: кризис американской сверхдержавы. М., 2007.
19. Ян Цземань. Шилунь чжун-мэй цзунхэ гоцзя аньцюань худун гуаньси = Об отношениях китайско-американского взаимодействия в сфере совокупной государственной безопасности // Мэйго вэньти яньцзю. 2005. № 4.
20. Pang Zhongying. China's Soft Power. Washington, 2007.
21. Andrew Scobell. China and North Korea: Limits of Influence // Current History. 2003. № 9.
22. John S. Park. Inside Multilateralism: The Six-Party Talks // Washington Quarterly. 2005. № 4.
23. Ted G. Carpenter. A Hedging Strategy Is Needed Toward North Korea // Korean Journal of Defense Analysis. 2004. № 1.
24. Gilbert Rozman. The North Korean Nuclear Crisis and U.S. Strategy in Northeast Asia // Asian Survey. 2007. № 4.
25. James E. Goodby. The Emerging Architecture for Security and Cooperation in Northeast Asia // Issues and Insights. 2008. № 3.
26. Ellen L. Frost. Preventing State Failure: Steps Toward Closer Cooperation Between China and the United States. A Paper Presented at the U.S.–China Conference on Areas of Instability and Emerging Threats. Beijing: CICIR, 2004.
27. Martha C. Harris. The Globalization of Energy Markets // The Global Century: Globalization and National Security / Ed. by Richard L. Kugler and Ellen L. Frost. Washington, 2001. Vol. 2.
28. Wayne Bert. Burma, China and the U.S.A. // Pacific Affairs. 2004. № 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2008 г.